

85.101д

С30

СА-414159

16+

Наталья
Семенова

О *У* Сага
УКИНЫХ
Собиратели шедевров

69144-39

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Наталья
Семенова

о

Сага укиных

Собиратели шедевров

Москва
Слово/Slovo
2026

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	9

Коллекционеры братья Щукины

Глава 1. Дворец богатого купца	15
Глава 2. Господин, дремавший в ложе Большого театра	25
Глава 3. Библия Лютера	35
Глава 4. Призрак старшего брата Николая	43
Глава 5. Его превосходительство Петр Щукин	48
Глава 6. «Малый голландец»: Дмитрий Щукин	66
Глава 7. Иван Щукин. Портрет парижского денди	82

Сергей Шукин

Глава 8. Московский магнат	101
Глава 9. Незнакомец из Норд-Экспресса	115
Глава 10. Буря	127
Глава 11. «Радость жизни»	139
Глава 12. По следам Моисея	152
Глава 13. Sic transit gloria mundi	174
Глава 14. Дары волхвов	183
Глава 15. «Гармония в красном»	191
Глава 16. Две сиротки	200
Глава 17. Камо грядеши?	211
Глава 18. «Танец» и «Музыка»	221
Глава 19. Город, где кутят с вечера до утра	235
Глава 20. Под гипнозом Пикассо	245
Глава 21. Портрет китайского патриарха	264
Глава 22. Акрополь искусств	275
Глава 23. Изгнанники	288
Глава 24. Первый в мире музей современного искусства	300
Глава 25. Семейный портрет в интерьере	316
Примечания	328
Именной указатель	340

Предисловие

*Александре Андреевне Демской,
Бeverли Уитни Кин*

С внуком Сергея Ивановича Щукина мы познакомились весной 1990 года. Андре-Марк появился в моей жизни, когда работа над первой биографией коллекционера была в самом разгаре. Мы писали ее вместе с Александрой Андреевной Демской, возглавлявшей отдел рукописей Пушкинского музея, в котором я, студентка искусствоведческого отделения исторического факультета МГУ, начала работать лаборантом в 1971 году. Мне не оставалось иного пути, как присоединиться к поискам моей наставницы, которая с начала 1960-х годов стала по крупицам воссоздавать картину жизни и собирательства величайшего коллекционера XX века.

Сначала Демская обнаружила альбом фотографий с интерьерами шукинского особняка. Затем, благодаря московским старожилам, разыскала племянницу коллекционера, бережно хранившую открытки, письма и фотографии, которые Сергей Шукин посылал ее матери — своей любимой сестре Надежде Мясново. Через справочное бюро Демской удалось раздобыть адрес Григория Гордона, жившего с родителями в 1920-х годах в бывшем шукинском особняке. Из рук сына университетского товарища Ивана Шукина (старшего сына коллекционера) она получила ценную реликвию — Синайский дневник Шукина. До конца дней Александры Андреевны искала ключ к разгадке тайны поразительной интуиции Сергея Шукина. На то, чтобы сделать первый набросок истории шукинского собирательства, ушло более 30 лет.

Тем временем в Америке Беверли Уитни Кин тоже не давала покоя «загадка Шукина». Будучи почти ровесницей Александры Демской, она не была специалистом архивного дела и не знала русского языка. Беверли начала карьеру в Голливуде, потом вышла замуж за состоятельного ньюйоркца, играла на бирже, а в 1959 году, после развода, отважно отправилась в турпоездку в СССР, где совершенно не ожидала увидеть работы Моне, Ренуара, Гогена, Сезанна, Матисса и Пикассо — причем превосходящие по качеству имеющихся в американских собраниях. Увы, происхождение картин москвичи и ленинградцы хранили в тайне, и никто не отважился рассказать американке о тех, кто привез все это богатство в Россию на заре XX века.

Ответы на свои вопросы Кин получила от американского историка искусства Альфреда Барра, первого директора нью-йоркского Музея современного искусства (МоМА). Именно Барр назвал ей две русских фамилии: Шукин и Морозов. Он же познакомил пылкую исследовательницу с наследниками Анри Матисса (Кин взяла интервью у дочери и сына художника), легендарным маршаном Даниэлем-Анри Канвейлером и другими участниками

раскрывавшейся на ее глазах невероятной истории. Окончательно подпав под обаяние личности Сергея Щукина, Беверли не только сумела разыскать внука коллекционера Руперта Келлера и его младшую дочь Ирину Сергеевну (мать Андре-Марка), живших во Франции, но за год до трагической гибели старшего сына Щукина Ивана Сергеевича успела встретиться с ним в Бейруте. В 1983 году Кин выпустила очень искреннюю и эмоциональную книгу *All the empty palaces* (*Опустевшие дворцы*), посвященную русским коллекционерам.

Пять лет спустя Александра Андреевна Демская вручила мне два ящика, в которых были сотни карточек с собранными ею сведениями о русских коллекционерах. В 1993 году на свет появилась наша небольшая, 160-страничная книга *У Щукина, на Знаменке...* Через год Александры Андреевны не стало. Свою книгу *Жизнь и коллекция Сергея Щукина*, которая вышла в 2002 году, я посвятила ей.

За это время в России выросла новая генерация коллекционеров. Знакомство с ними помогло по-новому взглянуть на личность их великого предшественника, который из мифической фигуры постепенно превратился во вполне реального, буруеваемого комплексами и страстями человека. В 2010 году в серии «Жизнь замечательных людей» в свет вышла моя книга *Московские коллекционеры. Три судьбы, три истории увлечений*. Первая новелла была посвящена Сергею Щукину.

Я сопереживала личным трагедиям моего героя, сопровождала его в походе по Синайской пустыне, посещала вместе с ним парижские Салоны, заходила в галереи парижских маршанов, плыла на пароходе в Индию, брела по античным развалинам Греции. И все это — не покидая Москвы, разбирая фотографии и письма брату Петру, перебирая открытки сестре, вчитываясь в выцветшие страницы Синайского дневника и в письма Анри Матиссу — единственное, что осталось от живой речи самого Сергея Щукина. Еще были газеты, мемуары, каталоги, работа в архивах

Глава

2

Господин, дремавший в ложе Большого театра

Старинный русский город Боровск, расположенный на границе Московской и Калужской губерний, прославился как центр старообрядчества. Именно сюда, в Пафнутьево-Боровский монастырь, в середине XVII века был сослан непокорный протопоп Аввакум, а его верные сподвижники — боярыня Морозова и ее сестра княгиня Урусова — были брошены в яму и уморены голодом*. В этих же краях начинается история Шукиных, хранивших верность древним обрядам. Впервые их род упоминается в первой четверти

* Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова были заточены в Боровский острог, а затем в земляную яму, где в 1675 г. скончались. Из опасения паломничества старообрядцев захоронены тайно. Любопытно, что в числе первых приобретений С. И. Щукина были этюды В. И. Сурикова к полотну Боярыня Морозова.

XVII века: эту фамилию мы находим в писцовых книгах далекого 1625 года.

В начале XIX века семейство Щукиных, владевшее несколькими домами, лавками и даже небольшим стекольным заводом, считалось в провинциальном городке едва ли не самым богатым. Крутой поворот в судьбе семьи произошел в октябре 1812 года, когда Наполеон отдал

приказ об отступлении из занятой им Москвы по старой Калужской дороге*.

* Боровск был разграблен и к середине XIX в. окончательно захирел, превратившись в город, имевший «некоторое торговое значение».

По окончании войны некогда сплоченную патриархальную семью Щукиных, не вернувшихся в разоренный Боровск, разбросало по России. Василий Петрович, дед нашего героя, роди-

дившийся в 1756 году, обосновался в Москве. Боровчанин Щукин сумел воспользоваться послевоенным подъемом и занялся торговлей мануфактурным товаром. В 1836 году шестеро сыновей, служивших продавцами в лавке (или, как говорили тогда, «сидельцами в амбаре»), унаследовали отцовское дело. Третьему из сыновей, энергичному и предприимчивому Ивану, удалось быстро заработать капитал и основать собственный бизнес. Он действовал с гораздо

большим размахом, нежели отец, и помимо оптовой торговли чужим товаром сам делал заказы ткачам и красильщикам, становясь, как тогда говаривали, «давальцем».

Первое время Иван Щукин обитает в Замоскворечье, на Таганке, увековеченной Островским в пьесах о «купеческом царстве»**. Будущий основатель фирмы «И. В. Щукин с Сыновьями» занимает в ту пору довольно скромное жилье, состоящее из двух небольших комнат: в одной стояла кровать с конторкой, а в другой — два станка для выработки кисеи***. Нехитрое производство молодой Щукин делит пополам с Кузьмой Солдатенковым, который, как и он, сделается миллионщиком.

** В Таганной слободе в XVI в. жили ремесленники, из чугуна лившие таганы — треножные подставки для походных кухонь. С XIX в. Таганка, вместе с Замоскворечьем, стала символом безраздельной вотчины московского купечества.

*** Кисея — легкая просвечивающая хлопчатобумажная ткань миткалевого переплетения; из нее шили летние дамские платья.

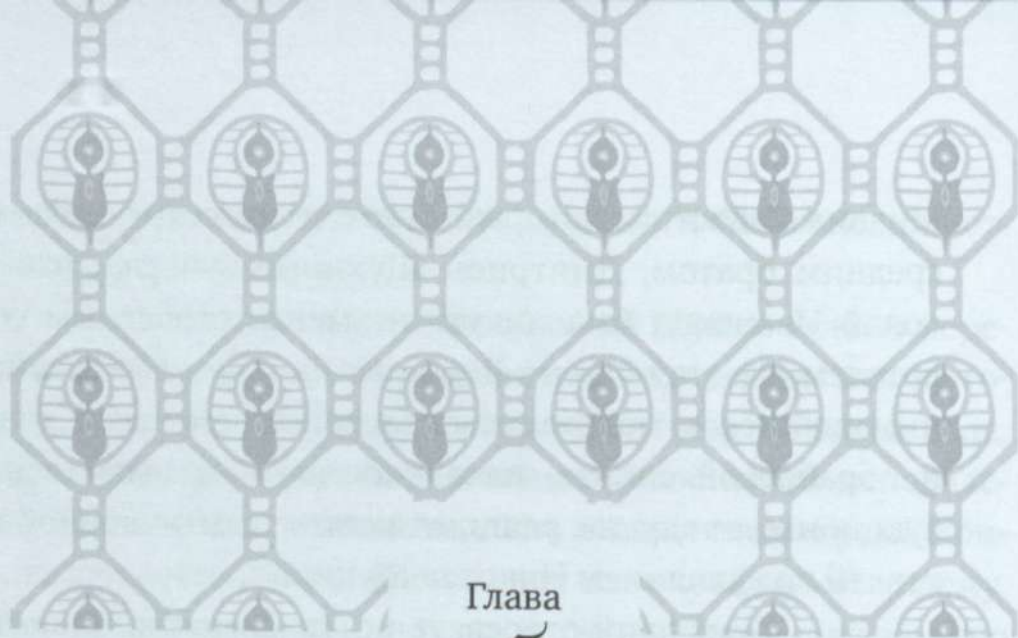
Екатерина Петровна Шукина, урожденная Боткина. 1860-е

не привыкший лезть за словом в карман. Старший Щукин нисколько не стеснялся, что не знает французского языка и не столь образован, как его многочисленные родственники и друзья-интеллектуалы, поэтому в многочисленные путешествия по Франции, Бельгии и Италии брал с собой в качестве переводчика одного из сыновей, зарабатывавшего таким образом карманные деньги.

Конечно же, Иван Щукин был в курсе художественных страстей, кипевших в узком кругу московских купцов-собираателей. Во-первых, благодаря родственникам жены, «чайным королям» Боткиным, во-вторых, благодаря «московскому Медичи» Солдатенкову, бывшему образцом просвещенного купца*. Несомненно, Кузьма Терентьевич был персонаж гораздо более колоритный, чем старший Щукин. «Я всегда удивлялся, как человек, не получивший образования даже на медные гроши (а ведь он до старости писал плохо и ни на каком языке, кроме русского, не говорил), был так развит <...> это был истинно русский ум, не без практической жилки, но такой глубокий и разносторонний», — вспоминал художник Александр Риццони. В Солдатенкове все было необычно. Старообрядец и при этом убежденный западник. Жил в гражданском браке с француженкой Клеманс Карловной Дюпюи, которая так и не научилась говорить по-русски (она звала его Кузей, а он ее Клемансой). Купил за огромные деньги у князей Нарышкиных дачу в Кунцеве, построил на Мясницкой особняк по индивидуальному проекту — с молельней и салоном в стиле Людовика XVI; собрал картинную галерею, огромную библиотеку.

Вместе со своим закадычным другом Солдатенковым Щукин держал ложу в Большом театре, в малень-

* Пайщик текстильных мануфактур, учредитель банков и страховых обществ Кузьма Терентьевич Солдатенков (1818–1901) был известным издателем исторических и экономических трудов, страстным библиофилом и коллекционером произведений русского искусства. Москва обязана ему знаменитой Солдатенковской больницей для неимущих, которая впоследствии была переименована в честь известного доктора Сергея Боткина, основоположника русской клинической медицины, приходившегося братьям Щукиным дядей.

Глава

5

Его превосходительство Петр Щукин

12 октября 1912 года от острого приступа аппендицита скончался второй сын Екатерины Петровны и Ивана Васильевича, основатель Музея российских и восточных древностей, крупнейший коллекционер России Петр Иванович Щукин, верный друг и незаменимый помощник брата Сергея.

Мемуары, которые Петр писал с завидной регулярностью, обрываются в 1895 году. Его пространные воспоминания, несмотря на обилие интересных деталей, начисто лишены эмоциональности — таков уж, видимо, был и сам автор. Впечатления от многочисленных вояжей, скажем, сводились у него исключительно к прелестям по

части гастрономии, которые он и посмаковать толком не умел. «Из Череповца ехали на пароходе, на котором меня угостили прекрасной нагулистой стерлядью... В Кириллове я нашел в одной колониальной лавке прекрасное старое французское красное вино». Иногда в тексте мелькают экологические размышления, опережающие эпоху: «В то время Оку и Волгу еще не отравили нефтью, как ныне, и потому рыба имела чистый вкус; раки были крупные, не такая мелочь, как видишь теперь»¹⁵

Главное же достоинство *Воспоминаний* — множество увлекательных подробностей о жизни и обычаях той далекой эпохи в разных концах света: от Москвы, Санкт-Петербурга, Берлина, Парижа, Лиона, Мадрида и Рима до Алжира, Туниса, Лиссабона и Лондона... Не говоря уже о репортажах с Нижегородской ярмарки, этих удивительных рассказах о купеческих нравах, в которых так отчетливо проступает личность автора — человека замкнутого, уравновешенного, одаренного редкой методичностью, доставшейся ему в наследство от отца. Петр Щукин путешествовал не по городам, а по жизни, предпочитая наблюдать за повседневным бытом людей разных сословий, а не восторгаться архитектурными памятниками или пейзажами.

Учась за границей и получая от отца весьма скудное содержание, Петр ухитрялся находить дешевое жилье и еду. Он танцевал на народных балах в Берлине, проводил вечера с лионскими ткачами и практически бесплатно путешествовал по Европе — пешком, в тряских колымагах или вагонах третьего класса, всякий раз пользуясь случаем, чтобы побывать в новых местах. Петр жил в Берлине, посещал Гамбург, Лейпциг, Дрезден и Штеттин; работая в Лионе, ездил в Марсель, Тулузу, Бордо и поднимался в Альпы. Впервые он оказался в Европе в 1872 году. Обычно отец брал в поездки одного из сыновей, становившегося на время его секретарем и переводчиком. Иван Васильевич познакомил Петра с Парижем, вместе они ходили

крупнейших фабрик Москвы и области, лояльность которых обеспечивается благодаря перекрестному участию в капитале и управлении текстильных мануфактур, банков, страховых компаний. Перечень должностей и званий Сергея Ивановича Щукина говорит сам за себя: почетный гражданин, член Московского отделения Совета торговли и мануфактур, выборный Московского биржевого общества, директор страхового общества «Якорь», член совета Московского учетного банка и Московского купеческого общества взаимного кредита, член правления товарищества ситценабивной фабрики «Эмиль Циндель» и, в довершение, гласный Московской городской Думы.

Днепровская сирена

Всякий уважающий себя купец должен иметь семью, желательно многочисленную, чтобы путем естественного отбора назначить достойного преемника. Сергей обязан жениться, и не откладывая. «Редкая птица» уже выбрана: 19-летняя Лидия Коренева, экзотический цветок, распустившийся на юге, происходила из семьи екатеринославских помещиков, сделавших состояние на донецком угле. Все в ней завораживало — и притягательная красота, и странная погруженность в себя. Огромные чуть с поволокой глаза, печальный взор, точеная фигура — идеальная модель для обожаемых художниками ар нуво наяд и нимф; в одной из «живых картин» — модном развлечении в салонах того времени — она даже изображала Елену Троянскую. А певучий малороссийский говорок прибавлял легкую простонародную нотку к ее сказочному обаянию.

Для обеих сторон это была идеальная партия — родство с состоятельным московским семейством Щукиных льстило богатым торговцам углем из Малороссии. Лидию прочили в невесты Петру, но этот союз не случился. «В 1884 году брат Сергей женился на Лидии Григорьевне

Лидия Щукина в древнегреческом костюме. 1890-е

Музыкальный салон (Зал Моне и импрессионистов)

в особняке С. И. Щукина. 1914.

Фото Павла Орлова

Прошло пять-шесть лет: и зафыркали всюду авто; пробежали трамваи; пропала исконная конка, таскавшаяся еще по окраинам»⁹¹.

Преобразился и дворец Трубецких, вечерами сиявший огнями. «На стенах чудные вещи Мане, Моне, Дегаза, Ренуара, Гогена, Котте и др. — превосходная коллекция! Громадные столы все в цветах, за ужином тонкие блюда и ничего, кроме шампанского, одним словом, старое доброе время московское. Было очень интересно тем, что каждый свободен делать все, что ему вздумается; мог знакомиться, мог и не знакомиться»⁹², — восхищался Борис Кустодиев, случайно оказавшийся среди шикарной московской публики на концерте в доме знаменитого коллекционера и богача.

Музыкальные вечера в Большом Знаменском устраивались постоянно, а во время пауз Сергей Иванович демонстрировал гостям свою коллекцию. Лидия Григорьевна, в парижских туалетах и драгоценностях, как всегда была блистательна. Покидая дворец, все приглашенные дамы получали букеты красных роз... Однако Сергею Ивановичу явно было недостаточно одного только светского успеха, а царившей в этом феерическом чертоге меланхоличной Лидии мешали наслаждаться безоблачным счастьем неизлечимая болезнь Гриши и чрезмерное увлечение мужа картинами.

Возможно, Лидия просто ревновала мужа. Особенно к его новым кумирам, прежде в Москве «живьем» не виданным. Например, к Сезанну. Хотя красочный импрессионистический *Букет цветов в вазе*, по словам ее старшего сына Ивана, был одной из немногих нравившихся ей картин. В последних числах ноября 1904 года в особняк на Знаменке доставили сразу десять полотен. *Завтрак на траве*, великолепный финальный аккорд искусства XIX века, и напоминающие декоративное панно *Чайки* Клода Моне поставили точку в «первой» щукинской коллекции. Будущее собрания было связано с новыми именами.

Стоят (слева направо): Сергей Шукин, его сестра Надежда Мясново
с мужем Александром Мясново и сыном Николаем (крайний справа).
Внизу сидят воспитанницы Шукина Аня и Варя. 1910

и рисунку» эскизы, уверяя, что приходится подчиниться русским обычаям. «В России мы, как в Италии XVII века, где ню было запрещено»¹⁶⁶. «Надеюсь, Вы найдете средства декорировать мою лестницу двумя большими панно (4 метра), но без обнаженных. Одну или две *маленьких обнаженных* фигуры можно было бы допустить»¹⁶⁷. Сергей Иванович не знал, как выпутаться из создавшейся ситуации. Предлагал изобразить тот же хоровод, но с девушками в платьях, или, наоборот, сохранить сюжет с обнаженными («Ваш набросок *Танца* мне чрезвычайно нравится. Такое благородное движение! Можете ли Вы сделать из этого этюда картину величиной с *Красную комнату?*»¹⁶⁸), но уменьшить формат, чтобы картина уместилась в «частной комнате», где голых тел никто не увидит. Даже готов был платить за картину вдвое меньшего размера назначенные за огромное панно 15 тысяч.

Письмо было отправлено утром, а вечером из Парижа в Знаменский доставили последний из эскизов *Танца*. Целую ночь С.И. не спал, а утром телеграфировал на бульвар Инвалидов, что просит забыть о всех своих предшествующих просьбах и согласен на хоровод из обнаженных фигур.

Вслед за телеграммой последовало знаменитое щукинское письмо Матиссу от 31 марта: «Сударь, я нахожу в вашем панно *Танец* столько благородства, что решил пренебречь нашим буржуазным мнением и поместить у себя на лестнице сюжет с обнаженными. В то же время нужно будет второе панно, сюжетом которого могла бы быть музыка».

«В моем доме много музицируют. Каждую зиму дают примерно десять концертов классической музыки (Бах, Бетховен, Моцарт)... Я полностью Вам доверяю и убежден, что *Музыка* будет столь же успешна, как и *Танец*».

«Все мои оговорки... аннулированы моей телеграммой... Теперь у вас есть окончательный заказ на оба панно»¹⁶⁹.

Месяц за месяцем война брала свое. В перспективе маячил резкий экономический спад и, как следствие, вероятные банкротства. Торговые обороты еще недавно процветавших фирм резко сокращались, заставив московских скупщиков текстиля, у которых не только не было обычая обмениваться сведениями о клиентах и их кредитоспособности, но и заходить в чужие амбары, действовать солидарно. Местом встреч был выбран «Славянский базар» на Никольской, где с конца 1914 года бывшие конкуренты еженедельно уединялись в отдельном кабинете. Павел Бурыйшкин полагал, что сплочению бывших конкурентов, учредивших Общество оптовых торговцев мануфактурой, помогло появление на «завтраках» Сергея

* Согласно параграфу 14 устава, владельцами паев Товарищества могли быть только российские подданные и только христианского вероисповедания.

Ивановича Щукина²⁵⁵. Московский «министр коммерции» рискнул повторить удачную финансовую операцию времен революции 1905 года и скупил огромные партии мануфактуры. Вложенный в дело миллион он потерял, но не разорился. В 1916 году, когда Щукины акционировали компанию, учредив Товарищество на паях «И. В. Щукин с Сыновьями», капитал фирмы был заявлен уже в 12 миллионов*.

Никто не предполагал, что война затянется. Ее окончания ожидали к Рождеству, но к весне 1915 года, после ожесточенных боев на Северо-Западном фронте, оптимизма поубавилось. В середине марта Надежда, которой недавно исполнилось 44 года, родила девочку. Рождение дочери примирило Сергея Ивановича со страшными утратами, которые ему пришлось пережить. Благополучие малютки Ирины отныне сделалось смыслом его жизни. Любимое детище, Музей современного искусства, впервые отошел на второй план.

К разрыву с Европой, заставившему забыть о покупках французов, Щукин отнесся спокойно. Переключаться с западной живописи на отечественную, как поступил Морозов, он не собирался. «Щукин у меня